

Фонд «Духовная культура»

ОГРН 1051200084198 ИНН 1215103720 / КПП 121501001

424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Зарубина, дом 26 к.1

Email: fond.duhovnaya.kultura@gmail.com Тел.: +79027448224

<http://духовная-культура>

№ 424/649 от 03.11.2025 г

Главе Республики Марий Эл

Ю.Зайцеву

Многоуважаемый Юрий Викторович!

Фонд «Духовная культура» обращался к Вам с предложением **поддержать** обращение к Президенту Российской Федерации В.Путину и план по созданию проекта «**Духовная культура России**», где обратился к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу и по его призыву «**Духовная мобилизация**» на рассмотрение и получение благословения о возможности присвоения Фонду «Духовная культура» слова «**Россия**» (письмо №424/628 от 29.08.2025 г., письмо №424/635 от 19.09.2025 г., письмо №424/636 от 23.09.2025 г., письмо №424/637 от 25.09.2025 г., письмо №424/638 от 27.09.2025 г., письмо №639 от 04.10.2025 г., письмо №424/640 от 10.10.2025г., письмо №424/642 от 17.10.2025 г. и письмо №424/644 от 25.10.2025 г. направлялись).

Фонд «Духовная культура» продолжает создавать **Наблюдательный Совет Фонда «Духовная культура России»**, в состав, которого войдут все руководители Глав регионов Российской Федерации для юридической регистрации **Фонда «Духовная культура России»**.

Фондом «Духовная культура» будет предложено Вам, Юрий Викторович, войти в создаваемый **Фонд «Духовная культура России»** после его юридической регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации в качестве члена **Наблюдательного Совета Фонда «Духовная культура России»**.

Фонд «Духовная культура» и действующий **Общероссийский духовно - патриотический Центр «Духовная культура Республики Марий Эл»** продолжает ознакомление с расширенной программой создаваемого **Фонда «Духовная культура России»** по программе «Голос Президента – **ДУХОВНЫЙ – ВСЕОБУЧ**».

Книга в тысячу вольт

*писатель, подойди к обнажённому кабелю русской истории, тронь его своей незащищённой рукой - **Александр Проханов** (газета «Завтра» №43 2025 г.)*

"Камень, брошенный в море, меняет всё море". Каждый взятый под Херсоном опорник, каждый сбитый над Брянском дрон меняет картину мира. Трамп не даёт "Томагавки". Усиливаются национал-социалисты Германии. Русские атомщики изобретают мини-реактор. Из Невзорова падает очередная зловонная капля. У русской армии появился "Буревестник", "чёрной молнии подобный". Изменения затрагивают небоскрёбы Сан-Паулу и микробов в кишках пигмея. Мир остаётся единым, и, если воюет Донбасс, эта война отражается на ходе Троянской войны.*

*Запоздалая реформа Союза писателей России есть прямой результат перемен, охвативших российское общество. Литературный процесс новой России постепенно сошёл на нет, скрылся от солнца, ушёл в мерзлоту и там пребывал десятилетия, как замёрзший мамонт. Но, похоже, он стал оттаивать. **История с романом "Лемнер"** — тому подтверждение. Замёрзший мамонт дрогнул и показал свой бивень.*

У Союза писателей России появился лидер — Владимир Мединский. Его радениями Союзу писателей вернули и продолжают возвращать разграбленное достояние. Вернули дворец на Комсомольском проспекте, вернули Центральный дом литераторов, Дом Ростовых. Учреждается множество литературных премий. Писателям открываются дороги в недавно закрытые для художников места: на фронт, на оборонные заводы. Писателей тормозат, будят, выманивают из чуланов, зовут из душных углов наружу, на улицу, где

дуют ветры истории, дымятся окопы, схватываются идеи, темпераменты, репутации. Кабель русской истории обнажился из земли, без изоляции, открытый, по нему идёт страшный ток истории. Писатель, не бойся подойти к кабелю, не бойся тех, что лежат вокруг этого кабеля, сражённые страшным током. Ты среди них. Ты наедине с русской историей. О, какое счастье! О, какой ужас!

Советская эра открывалась книгами. "Разгром", "Как закалялась сталь", "Оптимистическая трагедия", "Тихий Дон", поэма Маяковского "Хорошо". Советская эпоха закрывалась книгами. "Белые одежды", "Дети Арбата", "Архипелаг "ГУЛАГ", астафьевский "Печальный детектив", распутинский "Пожар". Книга открылась, и книга захлопнулась. И там, на страницах этой громадной книги, лежит засушенный цветок — небывалая по красоте русская литература.

В новой постсоветской России писатель ушёл из политической жизни. Между государством и народом больше не было писателя, а появились политологи с их лексическим крючкотворством. А потом и они исчезли, и пришли пропагандисты.

Союз писателей России призван взрастить новое поколение русских писателей, которые займут место между народом и властью и создадут истинную картину своего времени, не позволяя этому времени кануть и исчезнуть в раскалённых исторических потоках.

В России отношения между властью и литератором всегда складывались трудно, мучительно. На Радищева осерчала матушка-императрица, и его заковали. Лермонтов, написавший "На смерть поэта", был отправлен на Кавказ, где был убит. Над головой Достоевского ломали шпагу, приговорили к расстрелу и отправили на каторжный рудник. Чернышевского за "Сны Веры Павловны" кинули в казематы. Великого Льва Толстого отлучили от церкви. Николая Гумилёва, Павла Васильева, Осипа Мандельштама советская власть расплющила. Сергей Есенин, последний поэт деревни, Владимир Маяковский, первый советский поэт, убили себя. Так выбрасываются на скалы, убивая себя, киты. Несостоявшийся лауреат Нобелевской премии Пастернак с его "Доктором Живаго", состоявшийся нобелевский лауреат Солженицын с его "Архипелагом ГУЛАГ" — это примеры того, как творчество писателя, творящего на листе бумаги, входило в противоречие с творчеством государства, творящего в крошечных потоках истории.

Так было не всегда. Великая Отечественная снимала это противоречие. Бесподобная фронтовая поэзия, фронтовая проза — "Они сражались за Родину", "Жди меня", Ольга Берггольц в Ленинграде — это был мощный прекрасный союз, сложившийся в недрах огненного сталинизма.

Сегодняшнее Государство Российское возвращает русскую литературу, оно — садовник, мечтает увидеть сад. Как сделать так, чтобы садовник не превратился в лесоруба, лопата, копающая лунки для саженцев, не стала топором? Нет рецептов. Мудрость власти в том, чтобы увидеть сложность художника, закрыть глаза на свои с ним противоречия, осмыслить его появление в российском обществе как драгоценное обретение Государства Российского.

Писатель, подойди к обнажённому кабелю русской истории, тронь его своей незащищённой рукой. И ты напишешь книгу в тысячу вольт.

Игра в конвергенцию

доктрина энергосбережения и уничтожение СССР - Игорь Нефедоров (газета «Завтра» №43 2025 г.).

Начиная с 1968 года вместо роста производства и потребления энергии в моду, вошли энергосберегающие технологии и альтернативные источники энергии (солнечная и ветровая генерации). Но о ничтожности альтернативной электрогенерации писал ещё академик Пётр Леонидович Капица. В октябре 1975 года на научной сессии в честь 250-летия Академии наук СССР он сделал концептуальный доклад, в котором на основании

базовых физических принципов доказал промышленную неэффективность всех видов альтернативной энергетики, за исключением управляемого термоядерного синтеза.

Но и в области управляемого термоядерного синтеза мы недалеко продвинулись со времён Капицы. До появления стабильно работающих термоядерных электростанций очень и очень далеко. К тому же человечество столкнётся с дефицитом дейтерия и трития для поддержания термоядерных реакций. На Земле этих изотопов водорода не так много, а доставлять их из космоса при помощи ракет, работающих на химическом топливе, будет чрезмерно энергозатратно.

Человечество свернуло куда-то не туда под влиянием и давлением сторонников мальтузианского сокращения населения из организации под названием Римский клуб, которая позиционируется как некий аналитический центр. Римский клуб являлся важнейшей площадкой, где договаривались представители элиты СССР и Запада. Там же разрабатывались алармистские кампании по сдерживанию промышленности и науки якобы во имя охраны природы.

Римский клуб с момента своего основания в 1968 году стал в наукообразной форме продвигать старинные мальтузианские идеи, суть которых сводилась, если коротко, к следующему: население нашей планеты постоянно растёт, а количество природных ресурсов из-за их активного использования постоянно сокращается. Поэтому развитие экономики и благосостояние населения имеют определённые "пределы роста", и если, например, все люди на Земле будут жить так же хорошо, как американцы и европейцы, и будут потреблять столько же природных ресурсов, то разразится экологическая катастрофа и человечество погибнет. Таким образом, ради спасения человечества от гибели надо выделить только некоторые страны, которым будет позволено жить хорошо (так называемый золотой миллиард), а все остальные должны жить плохо и снабжать "золотой миллиард" ресурсами, то есть выполнять функции сырьевого придатка.

Кроме того, для улучшения экологической обстановки, как писал основатель Римского клуба Аурелио Печчеи, "необходима рационализация всей производственной системы и передислокация промышленности в пределах планеты". То есть экологически грязные производства надо перенести в слаборазвитые страны, а "золотой миллиард" должен жить в экологически чистой окружающей среде.

Основатель Римского клуба также подчёркивал необходимость регулирования численности народов, обречённых на нищету: "Право давать жизнь нельзя безоговорочно отождествлять с правом деторождения, оно должно регулироваться исходя из общечеловеческих интересов".

А если народы отсталых стран не захотят добровольно регулировать свою численность, Аурелио Печчеи намекает, что возможны и силовые варианты: "...вслед за вооружением и нефтью продовольствие превратится в политическое оружие... и нам... суждено, в конце концов, стать свидетелями такого "решения" проблемы, как возрождение феодального монопольного права сортировать людей и целые народы и решать, кто получит пищу и, следовательно, будет жить".

Членом Римского клуба от СССР был зять председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина Д.М. Гвишиани (муж единственной дочери Косыгина), который в 1965—1985 годах работал заместителем председателя в Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) (во время работы в ГКНТ некоторое время одним из его подчинённых был полковник О.В. Пеньковский). Попутно Джермен Гвишиани вёл от имени Косыгина и СССР переговоры с Джанни Аньели о покупке завода "Фиат" (размещён в городе Тольятти).

Джермен Гвишиани был содиректором и основателем Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) в Лаксенбурге (Австрия), совместно с британским чиновником и зоологом лордом Соломоном Цукерманом и советником президента США по нацбезопасности Макджорджем Банди. В этом институте

Гвишиани был также председателем научного совета. С 1976 года Джермен Михайлович стал директором Всесоюзного НИИ системных исследований ГКНТ и АН СССР (ВНИИСИ), который был задуман как советский филиал МИПСА.

Практически вся терминология М.С. Горбачёва почерпнута из статей Д.М. Гвишиани: новое мышление, общечеловеческие ценности и т. д. В МИПСА проходили стажировку практически все будущие прорабы перестройки. Проходил стажировку в Лаксенбурге и другой будущий заместитель председателя ГКНТ СССР, учёный и одновременно зять второго секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова — Леонид Николаевич Сумароков, который с 1990 года жил с семьёй в Австрии.

Оба заместителя председателя ГКНТ СССР были связаны с МИПСА в Лаксенбурге и с Римским клубом. Чем дальше, тем больше наука и промышленность в СССР отставали от стран Запада и Японии, кроме системы ВПК, куда ГКНТ СССР не особо и допускался. Более того, центр будущей перестройки организовывался Ю.В. Андроповым на базе Академии наук СССР. Вот свидетельство сотрудника Международного отдела ЦК КПСС Вячеслава Матузова: "Я считаю, что именно Андропов, будучи руководителем КГБ с 1967 года, составил схему изменения социально-политического строя СССР. Но действовал он не через КГБ, поскольку аппарат спецслужб есть аппарат спецслужб. Там свои законы. Например, если что-то узнал, немедленно должен доложить начальнику. То есть там Андропов не мог бы целенаправленно разрушать. И тогда он стал развивать боковые структуры на базе Академии наук СССР. Взять хотя бы Институт США и Канады... Первым его руководителем стал Георгий Арбатов. Сын его Алексей — "яблочник", специалист по американским структурам безопасности. Ещё Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), который после ухода Яковлева в Политбюро возглавил Евгений Примаков. До этого Примаков несколько лет возглавлял Институт востоковедения". Получается, что с одной стороны Римский клуб предоставлял площадку для переговоров элиты СССР с Западом, а с другой — старался приостановить рост промышленности, науки и энергетики в СССР, что частично ему удавалось.

А вот что пишет сам Джермен Михайлович про свою деятельность: "В 1976 г. под эгидой ГКНТ и Академии наук СССР был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований — ныне Институт системного анализа Российской Академии наук — с целью "развития и совершенствования методологии и инструментария системных исследований, расширения возможностей их практического применения для анализа, разработки и проведения крупномасштабных социальных программ".

Когда ВНИИСИ занялся глобальным моделированием, там с самого начала решили разрабатывать не одну какую-то модель, а систему моделирования. Она должна была представлять собой открытую пополняемую библиотеку отдельных блоков, из которых можно было бы моделировать частные процессы, отражаемые в глобальной модели, и мощную сервисную часть, позволяющую пользователю быстро и эффективно набрать версию модели, соответствующую его личным пристрастиям, представлениям и установкам.

Отдельные блоки библиотеки могли полностью или частично дублировать друг друга, а если пользователя не удовлетворял ни один из имеющихся блоков, он мог заменить его каким-то своим. Такой подход обеспечивал не только принципиально другой уровень гибкости глобального моделирования, но и давал совершенно новую основу для коллективного обсуждения результатов модельного анализа глобальных процессов.

В середине 70-х годов уже активно функционировал Международный Институт прикладного системного анализа в пригороде Вены, который, в отличие от Римского клуба, был постоянно действующей научно-исследовательской организацией. По его инициативе состоялась представительная международная конференция по глобальному

моделированию, где были подведены некоторые итоги и сделаны общие выводы о нынешнем и возможном будущем состоянии мира.

Перечислим важнейшие из них.

1. Нельзя сказать, как долго природная среда, физические ресурсы нашей планеты смогут ещё удовлетворять потребности растущего населения Земли и человеческой деятельности.

2. Поскольку физические размеры Земли ограничены, население и объём промышленного производства не могут расти до бесконечности.

3. Природные ресурсы Земли в принципе позволяют удовлетворить основные потребности каждого человека.

4. Нынешние тенденции количественного роста способны увеличить разрыв между богатыми и бедными, истощить ресурсы, ухудшить состояние окружающей среды и экономическое положение большинства населения.

5. В течение следующих трёх десятилетий мировая социэкономическая система должна перейти к качественно новому способу развития.

6. Каким будет этот способ, зависит от решений, которые принимаются уже сегодня.

7. Мировой прогресс обладает определённой инерцией, поэтому немедленные действия будут иметь больший результат, чем те же меры, принятые с запозданием.

8. Новая техника может значительно облегчить путь в будущее, но сама по себе не решит глобальных проблем. Для этого необходима перестройка социальных, экономических и политических систем.

9. Народы и государства Земли связаны между собой так тесно, что последствия действий, предпринятых в какое-то время в одной части планеты, могут проявиться в другое время в других частях, и их невозможно ни предсказать, ни вычислить с помощью моделей.

10. Поэтому действия, преследующие узкие ограниченные цели, чаще всего оказываются неэффективными. Принимаемые решения должны учитывать самый широкий контекст, длительную временную перспективу.

11. В долгосрочной перспективе сотрудничество оказывается для всех участников гораздо выгоднее, чем соперничество или соревнование.

Сегодня работы по глобальному моделированию ведутся в двух направлениях: в одном пытаются построить адекватную модель мира, в другом — адекватную модель логики решения глобальных проблем.

Через ВНИИСИ прошли такие кадры, как Станислав Шаталин, Юрий Мильнер, Пётр Авен, Егор Гайдар, Виктор Данилов-Данильян, Юрий Лопухин, Борис Жуков, Михаил Зурабов, Александр Шохин, Андрей Вавилов, Алексей Головков, Андрей Нечаев, Гавриил Попов, Ислам Каримов, Анатолий Чубайс, Сергей Глазьев, Евгений Ясин, Борис Березовский. Как видите, никакого особо тайного заговора нет. Всё происходило на виду и отражено в совершенно открытых источниках и документах.

Вот что писал по этому поводу Аурелио Печчеи: "Ахейцам, осаждавшим Трои, понадобилось десять лет, чтобы додуматься до уловки с деревянным конём. Римскому клубу посчастливилось гораздо быстрее найти своего троянского коня и одержать первую стратегическую победу в той исторической битве, которая только начиналась". Сказано это было ещё до развала СССР, но мир уже был напуган кошмарными перспективами глобальной экологической катастрофы. В своих докладах Римский клуб констатировал исчерпание природных ресурсов, в первую очередь энергоносителей, и необходимость перехода на возобновляемые источники энергии.

Именно Римский клуб кошмарил ещё в начале 1970-х годов публику ужасами перенаселения и глобального потепления, преследуя определённые цели.

1. Сокращение народонаселения планеты. Меньше людей — больше ресурсов. Всё это находится в корреляции с проектом Филиппа Эдинбургского (Маунтбеттена) и

Джулиана Хаксли (Фонд дикой природы — WWF, иностранный агент и нежелательная в РФ организация).

2. Закрепление промышленной отсталости стран — поставщиков ресурсов. Ресурсы поставляются только в страны первого мира (Запад и Япония) и страны-фабрики (Китай, Южная Корея).

3. Остановка развития энергетики, промышленности и науки во имя сохранения невозобновляемых источников энергии (нефть и газ).

4. Перевод большинства человечества в цифровой сон при помощи компьютеров, внедрения новых гаджетов и популяризации виртуальной реальности.

5. В перспективе снижение числа авиаперелётов, стагнация туризма во имя сбережения нефти и газа.

Одним из первых успешных проектов Римского клуба была афера по борьбе с озоновыми дырами. Как показали исследования советского географа и климатолога Андрея Петровича Капицы, озоновые дыры регулярно появляются и исчезают по естественным причинам вне зависимости от деятельности человека. Тем не менее на этом наукообразном мифе нажилась американская корпорация "Дюпон".

Но это было лишь частью большой стратегии Римского клуба по запугиванию человечества. Большая стратегия включает кампанию по "борьбе с глобальным потеплением" путём ограничения "эмиссии парниковых газов", к которым волюнтаристски относят только углекислый газ (так называемое карбоновое загрязнение) и метан. Углекислый газ порождается энергетикой (ТЭЦ), промышленностью, транспортом, живыми людьми, животными и растениями. Метан порождается людьми и животными. По сути, под видом борьбы с "парниковыми газами" предполагается сокращение всего живого. Иными словами, истинная цель Римского клуба — остановить процесс жизни. Римский клуб проводил одну конференцию за другой для уничтожения большей части промышленности развивающихся стран. В ход шли неадекватные формулировки и Киотского протокола (1997 г.), и Парижского соглашения (2015 г.) — дополнительных документов к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующей меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере.

Как показано выше, в тесном контакте с Римским клубом находилась значительная часть Академии наук СССР, которая по сути была штабом перестройки и рассадником антисоветских и русофобских идей. Их совместными усилиями была уничтожена программа Виктора Глушкова по внедрению автоматизированного учёта в СССР посредством ЭВМ. Были взяты на вооружение идеи таких экономистов-рыночников, как Евсей Либерман. Последние предлагали ориентировать экономику на прибыль от себестоимости. В сталинские времена, напротив, ориентировались на снижение себестоимости (отсюда — знаменитые понижения цен), не связывая жёстко её и прибыль.

Советскую экономику заставили работать по чуждым ей схемам, снижать себестоимость стало невыгодно, ибо это снижение уменьшало прибыль. В результате невыгодным стало и усовершенствование производства.

Но почему был сорван проект Глушкова и другие подобные? Благодаря косности бюрократизма? Бесспорно. Но ведь должны же были найтись в КПСС силы, способные этот бюрократизм преодолеть? Не все же там были косными чиновниками! И тут надо копать уже глубже, находить корешки в официальной идеологии СССР — марксизме. Эту идеологию, понятное дело, очень сильно исказили, но основу всё-таки сохранили. И этой основой был экономический детерминизм: экономика преобладает над политикой. А следовательно, общество доминирует над государством. Ведь классы общества завязаны на производстве-распределении, тогда как государственная организация сосредотачивается на подчинении-управлении. В мире традиции общество подчинялось государству, но при капитализме всё перевернулось с ног на голову — отсюда и экономический детерминизм.

Адепты марксизма в таком его понимании выступали за преобладание экономики над политикой, общества над государством. Только если при капитализме авангардом этого самого доминирующего (гражданского) общества выступала монополистическая буржуазия, то при "коммунизме" центром всего стала считать себя партийная бюрократия.

Но что светило нашим управленцам, увлечённым морковкой с названием "теория конвергенции"? Им казалось, что примут их с распростёртыми объятиями в западную элиту, ну при условии, что они сдержат напор индустрии СССР и увеличат количество необработанного сырья, поставляемого на Запад. И крах советской промышленности тоже был предопределён: чем меньше потребуют углеводородов промышленность и сельское хозяйство, тем больше у нашей элиты появится заслуг перед западными партнёрами. Таким образом, один тщательно просчитанный поворот, сделанный в 1968 году, привёл и к остановке НТП, и к гибели СССР.

Меметическая война

обзор основных идей и концепций - Дмитрий Зеленцов (газета «Завтра №43 2025 г.).

В последнее время — минимум на протяжении последней четверти века — американские фабрики мысли, тесно связанные с военно-разведывательным сообществом, разрабатывают различные элементы когнитивного оружия. Оружия, которое направлено, в первую очередь, на изменение человеческого восприятия и формирование новой — альтернативной — реальности, реальности, которая служит интересам манипуляторов и кукловодов. Вполне естественно, что в поле внимания стратегов когнитивной войны попал и такой феномен, как мемы.

Мемы, которые тесно связаны с эволюционными механизмами функционирования нашей психики, уже в силу своей природы оказались прекрасным материалом, чтобы ковать из них оружие когнитивной войны, ибо при правильном конструировании и использовании способны не только влиять на наше восприятие реальности и поведение, но даже — в отдельных случаях — менять человеческую физиологию. Иначе говоря, мемы — один из ключей к манипуляции человеком, и по мере развития меметики — которая потенциально может стать точной инженерной наукой — ключи эти будут всё более изощрёнными и эффективными.

Но уже сейчас управление перспективных исследовательских проектов Пентагона (DARPA) вкладывает десятки миллионов в исследование мемов в стратегической коммуникации, уже сейчас западные аналитики изучают ход и перспективы СВО сквозь призму меметики, уже сейчас корпорация RAND рассматривает мемы как потенциальную угрозу финансовой системе США, а правительство Тайваня формирует команды по меметической инженерии на случай конфликта с Китаем...

От котиков до штурма Капитолия

Так что такое мемы? Что мы знаем о них, что позволяет рассматривать их как потенциальное оружие когнитивной войны?

Сам термин «мем» в 1976 году ввёл эволюционный биолог Ричард Докинз в своей книге «Эгоистичный ген». По мысли Докинза, мемы — это единицы культурной и когнитивной эволюции (по аналогии с генами как единицами эволюции биологической).

Мем, по сути, является идеей, понимаемой как биологическая сущность. Важнейшей характеристикой идеи, которая превращает её в мем, является способность реплицироваться, то есть передаваться посредством имитации от человека к человеку. Подобно тому, как вирус перемещается от тела к телу, мемы перемещаются от разума к разуму (и такое представление о меме как о вирусе получит важное развитие в концепциях Пентагона о меметической войне).

Мемы транслируются и воспроизводятся в различных группах населения и/или обществах, а основным методом их передачи является коммуникация (как вербальная, так и невербальная), иначе говоря, межличностное и общественное взаимодействие. Зачастую мемы функционируют как сложносоставной комплекс («мемплекс»), который в рамках культуры и/или сознания является более устойчивым, чем отдельный мем. В качестве примеров таких мемплексов можно привести различные политические или религиозные идеологии.

Важнейшее качество мема — его влияние на человеческое поведение. Как клетка, заражённая вирусом, перестраивает своё функционирование в соответствии с его генетическими инструкциями, так и человек, будучи «заражён» тем или иным мемом, перестраивает своё мировоззрение, своё поведение и свою мотивацию в соответствии с его установками. При этом — что также немаловажно — идея-мему совершенно не обязательно нести какую-то объективную истину, что даёт практически неограниченный потенциал для управления восприятием для тех, кто такими мемами манипулирует.

В эпоху интернета и цифровых медиа мемы обрели ещё несколько важных характеристик. Во-первых, это колоссальная скорость распространения (буквально дни и даже часы). Во-вторых, в эпоху огромных объёмов данных, доступных теперь человеку, мемы особенно выигрышны своей компактностью, когда какой-то образ или слоган (зачастую обладающий мощным эмоциональным зарядом) способны нести важное информационное послание.

В качестве примера простейшего мема можно привести котиков, которые нещадно будят Наташу или любят на «рыбов». Испытав умиление, мы делимся этим мемом с родственниками, друзьями и знакомыми, тем самым вызывая его репликацию и размножение («вирусное распространение»). Они, в свою очередь, тоже делятся этим мемом, и с каждым таким циклом происходит «заражение» всё новых и новых людей.

Но такие «весёлые картинки», получив иную смысловую нагрузку, могут стать мощным инструментом политической и даже вооружённой борьбы. К примеру, циничный лягушонок по имени Пепе, который, в конце концов, стал ассоциироваться с Дональдом Трампом, стал общим символом его сторонников, независимо от того, из какого лагеря или фракции они происходили. Пепе и аналогичные мемы стали средством консолидации лагеря Трампа, который, как мы знаем, одержал свою первую победу в 2016 году.

Четыре года спустя #StopTheSteel, другой мем — правда, уже не такой весёлый, — буквально в нескольких словах выразил колоссальные сомнения в справедливости победы Байдена и мобилизовал людей на то, чтобы перенести политическую борьбу из интернета на улицы Вашингтона и ступени Капитолия...

Учитывая всё это, примерно с середины 90-х гг. прошлого столетия в Соединённых Штатах активно развивается меметика — междисциплинарная дисциплина, стоящая на стыке биологии, когнитивистики и эволюционной психологии, которая изучает мемы, их анатомию и физиологию. На её основе в последние годы стало — отчасти стихийно, отчасти целенаправленно — возникать прикладное направление по конструированию мемов, которое — опять же по аналогии с генами — получило наименование меметической инженерии и большую востребованность, в том числе, и у военных.

«Поведенческое переключение»: от мира к войне

Одним из тех, кто впервые задумался о потенциальной роли мемов в контексте войны, стал американский инженер и философ-трансгуманист Кит Хенсон.

Кстати говоря, сам термин «меметика» как обозначение междисциплинарной науки о мемах принадлежит его супруге Арел Лукас, а сам Хенсон ввёл понятие «мемойд» — для обозначения «жертв, которые были захвачены мемом до такой степени, что их собственное выживание стало несущественным».

Хенсону принадлежит ряд статей по меметике, из которых ключевой для нашей сегодняшней темы является статья «Эволюционная психология, мемы и происхождение войны»[1], написанная в 2006 году.

Хенсон исходит из того, что война и насилие являются типичными чертами человека как вида. Впрочем, человек не ведёт войны постоянно, война, точнее, военное поведение, является, если можно так выразиться, особым модусом его бытия. Как же человек переходит от мирной жизни к войне? В основе такого перехода лежит древний эволюционный механизм, который выработался миллионы лет назад и который мы унаследовали от наших далёких предков — охотников-собирателей. Этот механизм Хенсон называет «поведенческим переключением», и ключом к этому переходу от мира к войне как раз и являются мемы.

Он пишет: «Мир полон примеров поведенческих переключений. Бросьте крысу в воду, и она поплывёт. Медведи зимой впадают в спячку. Птицы летят на юг или на север в зависимости от сезона. Легко увидеть, как эволюционировали поведенческие переключения. Птицы, которые летели в неверном направлении, не оставили много потомков. Возможно, самое впечатляющее поведенческое переключение в животном мире заставляет некоторых одиночных кузнечиков становиться стадными перелётными саранчовыми.

У людей тоже есть поведенческие переключения. К ним относятся, например, материнское поведение (включаемое потоком окситоцина во время родов) и стокгольмский синдром, при котором химические вещества мозга, высвобождаемые страхом, насилием и незначительными актами доброты, вызывают быструю социальную переориентацию на захватчиков».

Но важнейшим примером поведенческого переключения в истории человечества является переключение с режима мирного времени на режим ведения войны.

У животных агрессивное или защитное поведение включается в момент непосредственной угрозы. То же самое характерно и для человека. Нападение на семью, общину или государство автоматически приводит к сплочению и мобилизации. Однако у человека есть уникальная особенность, для животных совсем нетипичная. Человек порой готовится к войнам заранее, сам намереваясь совершить нападение для захвата территории и/или ресурсов, и вот в этом случае поведенческое переключение как раз и опосредуется мемами...

Хенсон пишет: «Мемы воспроизводят информационные шаблоны: способы делать что-либо, усвоенные элементы культуры, верования или идеи. ... Но влияние мемов на людей уникально. Люди часто умирают из-за влияния мемов... Восприимчивость человека к мемам сама по себе является генетически эволюционной чертой». Более того, он говорит о «суицидальном самопожертвовании, вызванном мемами».

Но в случае поведенческого переключения от мира к войне речь идёт о специфических «ксенофобных мемах», «которые дегуманизируют целевое племя (то, которое подвергнется нападению. — Д. З.) и которые должны циркулировать среди атакующей группы в течение недель или месяцев, чтобы подготовить воинов к атаке». Усиление ксенофобных мемов — ключевой шаг в причинно-следственной цепочке, ведущей к войнам.

По мнению Хенсона, важным контекстом для активизации ксенофобных мемов является представление о наступлении «тяжёлых времён» (для древних племён — буквально голода), для выживания в которые требуется завоевание новых территорий и/или ресурсов.

«...Условия надвигающейся нужды воздействуют на мозговые модули, чтобы “увеличить выгоду”... для ксенофобных мемов, распространяющихся в группе. Связь между экономической неопределённостью или трудностями и агрессивными, ксенофобными или дегуманизирующими мемами отмечалась давно, типичным примером чего является

подъём нацистской партии в довоенной Германии. Мягкий пример: экономические спады коррелируют с ростом неонацистской и подобной активности в США».

Впрочем, для мемов нет никакой разницы, ожидают ли племя, нацию или страну «тяжёлые времена» объективно, или людей намеренно убедили в близости таких «времён». Таким образом, вполне уместно предполагать, что, используя тот же самый механизм из эволюционной психологии, можно целенаправленно настроить население на необходимость войны.

«Чтобы активироваться меметическому механизму переключения на режим войны, требуется лишь относительное падение уровня жизни. В той степени, в которой значительная часть населения сталкивается с ухудшением перспектив или думает, что это так, они гораздо более склонны поддерживать войну и/или распространять ксенофобские мемы, такие как Армагеддон и исполнение библейского пророчества».

Следствием распространения ксенофобных мемов является переход населения в «режим войны» и ухудшение его рационального мышления. «Психологические механизмы эволюционировали, чтобы переключать модели человеческого мышления, угнетая рациональное мышление, когда начинают циркулировать ксенофобные военные мемы или племя подвергается нападению. Это источник длинного списка нерациональных поступков и недальновидных суждений, которые мы так часто видим в истории войн. То же подавление способности мыслить рационально лежит в основе самоубийственного самопожертвования».

И та же модель, по мнению Хенсона, оказывается актуальной не только для конфликта между племенами и странами, но и для анализа такого феномена, как терроризм.

Так, нестабильность доходов в исламско-арабских странах способствует усилению влияния и так циркулирующих здесь мемов, а также людей, которые получают статус «военного вождя» (например, бен Ладен и компания).

«Падение дохода на душу населения создало условия, в которых набор мемов “Аль-Каиды” и связанные с ними ксенофобные мемы мотивируют воинов и обеспечивают им поддержку со стороны населения. В итоге огромное американское “племя” подверглось 11 сентября нападению со стороны крошечного “племени «Аль-Каиды)” и само в конце концов перешло в режим войны...»*

Мем как биологическое оружие

Примерно в то же время, что и статья Хенсона, выходит обширный доклад на тему военного применения меметики, написанный непосредственно представителем Пентагона: офицер Корпуса морской пехоты Майкл Проссер публикует работу «Меметика и её возрастающее значение в военных операциях»[2].

Для Проссера мемы — это снаряды в войне против разума противника, взрывные устройства, закладываемые под его идеологию.

Он пишет: «Атака на идеологию является одной из самых сложных операций, известных практикам обычных войн. Идеологии основаны на трансцендентных идеях и, по своей сути, являются сложными военными проблемами. Идеологии как минимум очень трудно искоренить кинетически (иными словами, применяя обычные средства вооружения), они очень динамичны, они получают поддержку по причинам, которые зачастую трудно обнаружить, ... они порождают инстинктивную враждебность, заставляя невоющих лиц брать в руки оружие, они влияют на стратегические, оперативные и тактические отношения и в простейшей форме представляют собой устрашающую проблему для большинства традиционно обученных военных сил».

Для победы в сфере идеологии американские военные должны мыслить нестандартно, подходить к ведению войны с альтернативным мышлением, и именно мемы как альтернативные средства ведения войны обеспечат их, по мнению Проссера, преимущество. Более того, именно мемы способны дать определённую гарантию победы.

Для иллюстрации своих идей Проссер вводит такую схему:

— мемы влияют на идеи, идеи влияют на убеждения и формируют их;

— убеждения — в сочетании с чувствами и эмоциями — формируют политическую позицию, а она в конечном итоге порождает действие и определяет поведение;
— следовательно, любая атака на идеологию, претендующая на достижение успеха, подразумевает атаку на центральную или трансцендентную «идею» или группу идей.
И тут вступают в игру мемы как инструменты (или средства) для такой атаки на идеологию.

Для борьбы с вражеской (в особенности, повстанческой) идеологией Проссер предлагает прибегнуть к «эпидемиологическому подходу».

«Врачи борются с болезнями, признавая, что и хозяин, и болезнь являются сложными адаптивными системами. Они анализируют химические свойства болезней, метод их распространения, условия, благоприятные для инкубации, и катализаторы для дальнейшего распространения. Затем врачи методично конструируют вещества для прививки восприимчивых хозяев. Используя аналогию, согласно которой идеологии обладают теми же теоретическими характеристиками, что и болезнь (особенно как сложные адаптивные системы), тогда аналогичный метод может/должен применяться для борьбы с ними».

В итоге, во-первых, идеология должна быть признана болезнью, а мемы — методом её распространения (вспомним вирусную природу мемов).

А во-вторых, и самое главное, на стыке социологии, антропологии, когнитивной науки и теории игр можно создать средства, с помощью которых возможно намеренно убеждать (иначе говоря, прививать) большие аудитории (или хозяев идеологических вирусов) посредством тонкого или явного влияния. Естественно, применяя, где нужно и в нужном масштабе, и кинетическое воздействие.

Перефразируя знаменитое выражение гангстера Аль Капоне, добрым словом и револьвером мы добьёмся гораздо большего, чем одним револьвером.

Для создания таких комплексных меметических лекарств, иначе говоря, для меметической инженерии, Проссер предлагает создать в американской армии центры меметической войны или центры по управлению мемами, которые будут заниматься распространением мемов с целью оказания влияния на противника и местных некомбатантов в районе военных операций. Соответственно, при каждом командующем должен быть офицер по управлению мемами.

Проссер пишет: «Центр меметической войны как штабная организация имеет своей основной миссией консультировать командующего по вопросам генерации и трансляции мемов в сочетании с подробным анализом враждебного, дружественного и некомбатантского населения. Центр мемов войны призван консультировать командующего и предоставлять наиболее релевантные варианты мемобоев в идеологическом и нелинейном боевом пространстве... Персонал центра должен состоять из военных и гражданских аналитиков, знакомых с противником и имеющих навыки в аналитических строгостях теории игр, социальных, поведенческих и когнитивных наук».

И далее: «Целью нового формирования является предоставление командующему объединёнными силами возможности сражаться на логическом нелинейном поле боя с той же доблестью и хитростью, которые присущи кинетическим возможностям объединённых сил. Трансцендентные идеи и анализ их производных свойств требуют создания формирования, организованного для того, чтобы обнаружить, сблизиться и уничтожить врага в метафизическом эфирном пространстве битвы, в которой ведутся бои за культуру и идеалы».

Иными словами, мемы — это ключ к победе в метафизической битве.

Чтобы действительно сделать их таковыми, Проссер предлагает обкатать их в действующих конфликтах на Ближнем Востоке и в Африке. Но что ещё более интересно, как мы увидим, в качестве испытательного полигона для меметического оружия выступят и сами Соединённые Штаты.

Мемы, мемуиды и промывание мозгов

Дальнейшее развитие идеи Проссера получили в статье другого представителя Пентагона, специалиста по психологическим операциям Брайана Хэнкока, опубликовавшего в 2010 году материал под ярким наименованием «Меметическое оружие. Будущее войны»[3].

Опираясь на аналогию между генами и мемами, предложенную ещё Докинзом, Хэнкок начинает с интересного наблюдения: «Когда люди настолько поглощены мемом/мемплексом, что вся цель их существования становится распространением мема, они становятся мемуидами (термин, предложенный уже знакомым нам Китом Хенсоном. — Д. З.). Эти люди готовы отказаться от собственного генетического репродуктивного потенциала, прикрепляя бомбы или направляя авиалайнеры в здания, чтобы продвигать мемплекс, который их поглощает». Патогенные мемы, которые оказывают потенциально катастрофические последствия на своих хозяев и их соседей, называются «вирусами разума».

Именно в этом, по мнению Хэнкока, кроется истинная первопричина терроризма и мятежей. Террористы и мятежники не страдают от снижения дохода на душу населения или нестабильного правительства — это всего лишь внешний фасад, который позволяет истинной проблеме, болезни разума, пронестись по ослабленному политическому телу (и здесь, как мы видим, он противоречит идее Хенсона о «приближении тяжёлых времён» как предпосылке активизации «ксенофобных мемов»).

Таким образом, лекарством от войны и ключом к предотвращению будущих войн является выявление, отслеживание, изоляция и устранение конкретных мемов, которые составляют основу конфликта. Вслед за Проссером Хэнкок призывает к «эпидемиологическому подходу» в этом вопросе: искоренение определённых патогенных мемов имело бы такой же глубокий эффект, как и искоренение оспы.

Намеренное внедрение мемов он рассматривает как современный инструмент промывания мозгов. «Некоторые организации, такие как “Аль-Каида”, используют современные методы промывания мозгов, чтобы превратить обычных людей в мемуидов. ... “Аль-Каида” изолирует своих потенциальных новобранцев, чтобы подвергать их воздействию одного набора мемов много раз в день в течение месяцев или лет, без контакта с другими мемами. Исключительное воздействие одного мема (также известное как промывание мозгов) вызывает у некоторых людей зависимое психическое состояние».

А кроме того, «когда люди получают много внимания, это повышает их статус и заставляет их мозг выделять дофамин и эндорфины, давая им “кайф”. Культы, такие как “Аль-Каида”, уделяют особое внимание потенциальным мученикам, чтобы... высвободить химические вещества удовольствия в мозге получателя. Затем получатель неверно истолковывает это положительное чувство с помощью набора мемов организации, усваивая убеждения культа как источника своего удовольствия. “Аль-Каида” использует множество других современных методов промывания мозгов для распространения своего нарратива (мемплекса)».

По словам Хэнкока, окончательное и долгосрочное лекарство от терроризма и повстанческих движений — атаковать их на атомном уровне посредством меметической войны. Выявляя, каталогизируя и отслеживая патогенные мемы, которые приводят к деструктивному поведению, можно будет предсказать, когда и где они возникнут. Когда специалисты обнаружат, что определённый опасный набор мемов достигает критических уровней в некоем сообществе, они могут инициировать операции по карантину в данной области и отправить туда группу экспертов для выполнения прививочной и профилактической программы.

Её суть в вытеснении или перезаписи опасных патогенных мемов более безвредными мемами. Как только критический уровень насыщения нового набора мемов будет достигнут в целевой популяции, нежелательные человеческие артефакты и поведение,

такие как тайники, с оружием и атаки с использованием СВУ, исчезнут. В идеале вирус разума, на который направлено действие, будет перезаписан мемплексом с более высокой точностью, плодовитостью и долговечностью, чтобы обеспечить долгосрочную устойчивость. Когда это непрактично, всё ещё возможно вытеснить опасный мемплекс, создав более заразный безвредный мем, используя определённые приёмы его упаковки, репликации и распространения.

Центральным узлом или мозгом операции, по мнению Хэнкока, должен быть разведывательный персонал. Однако важную роль призваны сыграть и такие дополнительные платформы распространения, как неправительственные организации (НПО) и частные волонтерские организации (ЧВО).

Такой «эпидемиологический подход» на базе меметической теории предоставляет основу для решения наиболее тревожных социальных и военных проблем на уровне первопричины. «Неустанный прогресс технологий продолжит делать оружие массового поражения (ОМП) всё более смертоносным, миниатюрным и доступным. Сегодня мемуиды способны нанести значительный ущерб, направляя авиалайнеры в здания или бомбя ключевую инфраструктуру. Когда эти люди смогут надёжно получить ОМП, выживание человечества будет зависеть от превентивного подхода к терроризму и мятежу, а не от реактивного реагирования. Меметика даёт ключ к выявлению, отслеживанию, карантину и, в конечном счёте, искоренению патогенных мемов до того, как они приведут к смертельным последствиям», — пишет Хэнкок.

В заключение своей работы он делает несколько важных прогнозов на будущее.

«Поскольку общество продолжает становиться всё более конкурентным на каждом уровне, люди вынуждены развиваться умственно и физически, чтобы добиться успеха. Такое давление отбора неизбежно приведёт к геной (и меметической) инженерии. Будущие родители сделают всё возможное, чтобы их потомство смогло успешно конкурировать, снабдив их наилучшей из возможных ДНК и ментальными программами (мемами). Поскольку высококачественные цифровые медиатехнологии продолжают распространяться, с ожидаемым дебютом искусственного интеллекта, способного распознавать естественный язык и здравый смысл, идеальные инструменты для анализа, распространения и разработки мемов на общественном уровне будут в пределах досягаемости человека.

Хотя это и поднимает глубокие моральные вопросы, реальность такова, что подобное развитие событий неизбежно. Хотя свободомыслящие люди США могут ненавидеть использование технологий, которые можно истолковать как контроль над разумом, у их врагов нет таких угрызений совести. Для интересов США и их народа жизненно важно, чтобы меметическая теория была полностью изучена хотя бы для того, чтобы разработать защиту от иностранных меметических атак. Меметические операции не требуют присутствия в целевой стране. За малую часть стоимости развёртывания войск на местах враги США могут вести разрушительную меметическую информационную войну против Америки».

«Пособие по военной меметике»

Параллельно с выходом рассмотренных выше теоретических работ в 2006–2009 гг. управление перспективных исследовательских проектов Пентагона (DARPA) заказало обширное тематическое исследование, результатом которого стал документ на 150 страниц, озаглавленный просто и со вкусом «Пособие по военной меметике»[4]. Исследование было сосредоточено на базовой проблеме в этой области, определяя, «может ли меметика быть признана как наука, способная объяснять и предсказывать явления». Другими словами, предстояло доказать, что мемы являются реальными компонентами реальности, а не просто изящной концепцией с отличным маркетингом. Ответственным за это исследование стал Роберт Филькенштейн из университета штата Мэриленд, известный специалист по робототехнике и кибернетике.

Вывод, к которому пришли исследователи Пентагона, становится лейтмотивом «Пособия»: меметика — это сфера нейрокогнитивной войны и революционный инструмент в информационных войнах. Она способна обеспечить последовательный научный подход к информационным операциям, психологической войне и общей войне против террористов. Она может предотвратить или смягчить конфликт, снизить вероятность войны или поражения и увеличить вероятность мира или победы.

Сами мемы обладают двояким влиянием — внешним и внутренним. Внешняя сфера их влияния — это воздействие на поведение и культуру человека, внутренняя — влияние на нейронное поведение и мозг человека.

Внешние мемы можно изучать с помощью их имитируемого или фактического распространения в социальных сетях, которые сегодня представляют собой особенно эффективные и действенные средства для трансляции мемов.

Внутреннюю сферу воздействия мемов предлагается определять с помощью «томографии и/или других видов нейровизуализации, генетического профилирования, психофармакологических манипуляций, психофизиологических исследований и психологического тестирования, биохимического анализа, нейрохимических реакций и даже регистрации отдельных нейронов»!

В «Пособии» уточняются некоторые важные особенности мемов именно в военном контексте:

— желаемое воздействие мемов на национальную безопасность является немедленным, а не эволюционным;

— мемы могут изменять индивидуальные и групповые ценности и поведение;

— мемы могут усиливать дисфункциональные культуры или субкультуры.

В отличие от предыдущих работ, которые в значительной степени носили теоретический характер, «Пособие по военной меметике» вводит ряд показателей (метрик и субметрик), которые могут служить основой для практических действий с мемами.

В качестве «пороговой метрики» рассматривается распространение мемов, которое более точно оценивается с помощью субметрик, таких как количество и тип получателей, а также «рассеивание» получателей.

«В зависимости от рассматриваемой проблемы тип получателей может быть охарактеризован или классифицирован по их экономическому, социальному или образовательному классу, этнической или культурной принадлежности, религии, полу, возрасту, этносу, политике и т.д. ... Рассеивание получателей может быть классифицировано как локальное, этническое, семейное, региональное, национальное, глобальное и т.д.», — говорится в «Пособии».

Ещё одна пороговая метрика — это стойкость, субметриками для которой являются длительность передачи мема и длительность его пребывания в памяти.

К базовым характеристикам относят и воздействие мема. «Различают воздействие (или потенциальное воздействие) мема на отдельного человека (индивидуальные последствия) и его воздействие (или потенциальное воздействие) на общество в целом (общественные последствия)».

Эти и другие пороговые/базовые характеристики мемов придают меметике потенциальную военную ценность, в частности, для психологических операций (PSYOP), военного обмана (MILDEC) или контрпропаганды.

К примеру, в рамках психологических операций она поможет решить следующие задачи:

— донести выбранную информацию до иностранной аудитории, чтобы повлиять на её эмоции, мотивы, объективные рассуждения и, в конечном счёте, на поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных лиц;

— сосредоточиться на когнитивной области боевого пространства и нацелиться на разум противника;

— повлиять на восприятие, отношение, рассуждения и поведение иностранных лидеров, групп и организаций способом, благоприятным для дружественных национальных и военных целей;

— использовать психологическую уязвимость враждебных сил для создания страха, замешательства и паралича, тем самым подрывая их моральный и боевой дух.

А в рамках усилий по контрпропаганде меметика позволит:

— противодействовать пропаганде противника и разоблачать попытки противника повлиять на понимание ситуации дружественным населением и военными силами;

— нейтрализовывать или уменьшать последствия от иностранных психологических операций или пропагандистских усилий.

«Война посредством троллинга и мемов»

Новый импульс концепция меметической войны получила в 2015 году, когда в «Журнале стратегических коммуникаций НАТО» вышла статья Джеффа Гизи «Пришло время принять меметическую войну»[5]. Примечательно, что Гизи — гражданское лицо. Он — выпускник Стэнфорда, предприниматель и тесно связан с небызызвестным Питером Тилем, владельцем компании Palantir и одним из хайтек-баронов, которые стоят за Дональдом Трампом.

Своё видение меметической войны Гизи иллюстрирует на примере борьбы с ИГИЛ*, но его идеи имеют гораздо более далеко идущие последствия.

По его мнению, в мире социальных сетей более агрессивная тактика общения и более широкая война посредством троллинга и мемов — это необходимый, недорогой и простой способ помочь разрушить привлекательность и мораль врагов.

«Меметическая война может быть эффективной в противодействии вербовочным и пропагандистским усилиям ИГИЛ и в современных конфликтах в целом, включая операции, не связанные с войной. Можно сказать, что троллинг — это эквивалент партизанской войны в социальных сетях, а мемы — это его пропагандистская валюта».

Для Гизи меметическая война — это конкуренция за нарративы, идеи и контроль на поле битвы в социальных сетях. Стоит рассматривать её как разновидность «информационных операций» в применении к этим последним. Меметическую войну также можно рассматривать как цифровую версию психологической войны (пропаганды). Если пропаганда и публичная дипломатия являются обычными формами меметической войны, то троллинг и информационно-психологические операции являются её партизанскими версиями. Меметическая война может быть развёрнута независимо или в сочетании с кибероперациями, гибридными или обычными усилиями.

«Кибервойна заключается в захвате контроля над данными. Меметическая война заключается в захвате контроля над диалогом, повествованием и психологическим пространством. Она заключается в принижении, срыве и подрыве усилий противника сделать то же самое. Как и кибервойна, меметическая война асимметрична по воздействию. Она может быть высокоэффективной относительно затрат. Поверхность атаки может быть большой или маленькой. Меметическая война может использоваться совместно с войсками, кораблями, самолётами и ракетами или её можно применять вообще без какой-либо кинетической военной силы. Она действует в коммуникационном боевом пространстве», — пишет Гизи.

«Как только вы начинаете смотреть на интернет сквозь призму мемов, вы видите меметическую войну повсюду — в политических кампаниях, в полемических повествованиях о новостных событиях, в бездумных мемах, которыми делятся друзья в Facebook**, и в видео на YouTube. Это проявляется в таких движениях, как #BlackLivesMatter, где есть попытка сформировать восприятие и мобилизовать общественную поддержку. ... Хэштеги, можно сказать, являются оперативными координатами меметической войны», — поясняет он.

В итоге Гизи призывает принять меметическую войну как важнейшую возможность в современном конфликте. «Пришло время двигаться к более широкому взгляду на

стратегические коммуникации на поле битвы в социальных сетях. Пришло время принять более агрессивный, проактивный и гибкий образ мышления и подход. Пришло время принять меметическую войну».

Повстанцы в Вашингтоне

Но вот что интересно. Самым успешным полем для обкатки методов меметической войны стали не Ирак, Сирия или Афганистан, а сами США, где меметическая война слилась с войной культурной, войной за идентичность, став своего рода холодной гражданской войной.

Как отмечают исследователи медиа из Гарварда, авторы книги «Войны мемов»[6], «войны мемов — это культурные войны, ускоряющиеся и усиливающиеся благодаря инфраструктуре и стимулам интернета, который торгуется возмущением и крайностями как валютой, вознаграждает скорость и масштаб и превращает мировой опыт в бесконечный свиток изображений и слов».

Более того, в самой Америке мемы сделали орудием тех самых партизан и повстанцев, с которыми, по замыслу мыслителей из Пентагона, должны были бороться на Ближнем Востоке.

«Войны мемов, похоже, благоприятствуют повстанцам, потому что по своей природе они ослабляют монополии на повествование и дают возможность бросить вызов централизованной власти», — писал обозреватель Джейкоб Сигел в 2017 году в статье «Готова ли Америка к применению меметического оружия?»[7].

По его словам, наиболее эффективно использовали мемы как раз повстанческие группы. Например, когда ИГИЛ распространяло своё влияние на территории Ирака и Сирии, эта группировка активно использовала мемы, чтобы захватывать международную аудиторию и транслировать своё сообщение как врагам, так и потенциальным новобранцам.

А главным мятежником в США был Дональд Трамп, сам человек-мем.

Кампания Трампа, по сути, стала глобальным восстанием — восстанием против республиканского истеблишмента, против демократов, против мейнстримных СМИ и «политической корректности». Она успешно использовала мемы для разрушения стены, возведённой их усилиями вокруг Трампа. Более того, именно мемы способствовали консолидации и мобилизации сторонников Трампа. Мемы сыграли значительную роль в переходе политических сил от виртуальной среды к среде реальной: от митинга в Шарлотсвилле до «штурма Капитолия». Мемы образовали сообщество единомышленников в сети, мемы вывели этих ранее незнакомых людей на улицу. Здесь раскрылся ещё один ключевой аспект мемов: они стали маркером идентичности, знаком принадлежности к той или иной группе. Порой их смысловая нагрузка была столь специфической, что оказывалась непостижимой для людей со стороны. Но даже когда мемы оказываются популярны и доступны, они содержат точку зрения и заявляют о позиции распространителя. Авторы книги «Войны мемов» выделяют четыре элемента успешной меметической кампании. Это повторение, избыточность, отклик и подкрепление. Повторение — это просто процесс публикации, репоста, ретвита, размещения ссылок или обмена контентом для мгновенного распространения контента среди максимально широкой аудитории. «Повторение чего-то до тошноты играет на наших когнитивных предубеждениях и создаёт впечатление, что повторяемая вещь важна и законна, особенно если зритель видит большую активность вокруг того же или похожего контента в течение нескольких дней», — пишут исследователи. Избыточность возникает, когда контент продвигается несколькими платформами. Повторение и избыточность в интернете могут привести к «связному действию», когда совместно действуют группы и индивиды, которые друг с другом совершенно не знакомы (как, например, в случае с движениями по хэштегам). Отклик — это реакции, которые вызывают публикации, такие как комментарии, лайки, сердечки или ретвиты, которые сигнализируют об интересе к определённой теме. Кроме того, отклик на брошенную

информацию, его обсуждение, прежде всего — в социальных сетях, ведёт к объединению людей и формированию сообществ. Наконец, подкрепление теме обеспечивается с помощью алгоритмов, которые персонализируют опыт для пользователей и продвигают похожие типы контента в рекомендациях и результатах поиска. Если вы сможете «обмануть» алгоритм так, чтобы он выдавал ваши идеи, а не идеи других, у вас будет больше шансов выиграть войну мемов. Выбор, сделанный алгоритмами подкрепления, основан на данных о взаимодействии пользователей, собранных на платформе и в интернете. «Конкретные и уникальные ключевые слова, такие как QAnon и #StopTheSteal, или такие имена, как Дональд Трамп, Руди Джулиани, Стив Бэннон или Джо Байден, оказываются в центре войны за влияние, в которой инфлюэнсеры, активисты, правительственные чиновники, политические деятели, журналисты и маркетологи сражаются за доминирование в трендах, рекомендациях и результатах поиска», — отмечают специалисты из Гарварда. И здесь партизанская стратегия, предложенная Джеффом Гизи, оказалась весьма успешной. Тем более что сам Гизи, будучи сотрудником предвыборного штаба Трампа, принял в её реализации самое непосредственное участие[8]. Именно Гизи называют в числе тех фигур, что стояли за движением QAnon, глубинным проектом поддержки Трампа, в котором мемы играли одну из ключевых ролей[9]. В итоге мемы стали не только альтернативными средствами войны (как предсказывал Проссер), но альтернативными политическими средствами нашего времени. И именно мемы, в большей степени, чем электронные письма Хиллари Клинтон, похоже, решили судьбу Америки.

Меметика для манипулирования рынками

Концепция меметической войны продолжает развиваться и обретает новые области применения. Так, в докладе корпорации RAND[10], которая в особом представлении не нуждается, мемы, точнее, меметическая инженерия, названы среди перспективных технологических и экономических угроз американской финансовой системе.

В качестве вводной в докладе провозглашается: «Будучи оружием, мемы могут использовать человеческий триализм, эмоции, когнитивные искажения и идентичность и потенциально манипулировать поведением или убеждениями. Мощные мемы могут определять, на каких проблемах люди сосредотачиваются, кого они видят частью своей группы и как они направляют свою энергию и гнев». И меметическую атаку на финансовые рынки эксперты RAND считают не только осуществимой, но и потенциально эффективной. Есть два возможных варианта использования меметической инженерии в финансовой сфере. Первый — стремительный удар, направленный на создание быстрого ажиотажа вокруг определённого набора акций. Второй — это долгосрочное разрушение доверия к рынку или финансовым институтам.

«Важной особенностью меметической инженерии является строго целенаправленный характер атаки. В отличие от атак с использованием дипфейков, которые пытаются максимально широко распространить фейковые медиа, транслируя их через платформы социальных сетей, меметическая инженерия подразумевает узкую трансляцию определённой идеи (мема) определённому набору лиц, которые затем распространяют её по своим сетям. Для создания высокоэффективных сообщений могут быть использованы психографические данные, которые можно собрать, отслеживая привычки при посещении интернета, онлайн-покупки и взаимодействия в социальных сетях. Кроме того, с помощью таких данных можно идентифицировать очень влиятельных лиц в социальных, политических или финансовых сетях. Затем этих лиц можно таргетировать с помощью персонализированного и убедительного контента».

Кроме того, злоумышленники также могут собирать информацию о рыночных позициях и определять типы акций, которые наиболее восприимчивы к новой информации, и в таком случае атака с применением меметической инженерии на финансовый сектор может быть особенно разрушительной.

Особенно сложным эксперты RAND считают выявление атаки по второму варианту, то есть использования меметической инженерии для ухудшения доверия к рынкам, институтам или регуляторам — из-за задержки между началом атаки и её проявлением на рынках. Однако они убеждены, что «это только вопрос времени, когда иностранные субъекты начнут использовать меметическую атаку для манипулирования американскими рынками». При этом дополнительным фактором эффективности атак с помощью меметической инженерии является способность создавать правдоподобную и вирусную дезинформацию (в особенности с применением генеративного искусственного интеллекта). А кроме того, действия меметической инженерии могут дополнять традиционные кибератаки и взломы.

Вглядываясь в будущее

Рассмотренный выше доклад RAND ставит важный вопрос. Если до недавнего времени создание новых мемов и в целом меметическая инженерия были делом рук человеческих, скорее искусством, чем точной инженерной дисциплиной, то прорыв в сфере искусственного интеллекта на основе т.н. «больших языковых моделей» (LLM) переводит ситуацию на качественно иной уровень. При этом ИИ может быть задействован не только для конструирования новых мемов, но и для стратегического планирования их использования для захвата и контроля ключевых аспектов общества. И разработки в этом направлении уже ведутся достаточно активно... В результате существенно повысится эффективность мемов как инструментов социальной инженерии, направленных на изменение общественного мнения, влияние на политические идеологии и даже изменение культурных нарративов. Привлечение ИИ позволит осуществлять мониторинг социальных тенденций, выявлять «точки кипения» в обществе и генерировать мемы с расчётной точностью. В отличие от традиционного вирусного контента, который распространяется стихийно, мемы, разработанные ИИ, позволят более эффективно манипулировать эмоциями и повествованиями в ключевые критические моменты, обеспечивая их принятие в цифровых сообществах. Мемы, созданные таким образом, станут глубоко внедряться в культурную ткань, влиять на мнения и направлять поведение на подсознательном уровне. ИИ на основе LLM позволит просеивать огромные наборы данных и анализировать взаимодействие в социальных сетях, общественные настроения и трендовые темы в режиме реального времени. Как только программа обнаружит потенциальную «точку кипения», она будет генерировать тщательно подобранные мемы, предназначенные для резонанса с определёнными демографическими группами, культурами или политическими фракциями. Мемы будут предназначены для тонкого формирования дискурса и продвижения определённых нарративов, которые соответствуют более широким социальным или политическим целям. Мемы будут создаваться с поразительной — даже пугающей — точностью и стратегически позиционироваться для однозначного достижения вирусного статуса. Это, в свою очередь, сможет влиять на то, как растут определённые общественные движения, как те или иные сообщества реагируют на политические события или как определённые бренды, идеологии или личности будут набирать обороты в обществе.

Кроме того, по мере распространения мемов программа будет получать обратную связь и адаптироваться, что позволит ей становиться умнее и более искусной во внедрении своих идей в общественное сознание. Если подобные программы будут развернуты в больших масштабах, они могут переопределить саму структуру цифровой культуры. Мемы смогут стать оружием убеждения, способным направлять общества в определённых направлениях. Мемы превратятся в стратегические инструменты для политических деятелей, корпораций или даже правительств, стремящихся контролировать нарративы и влиять на общественное мнение. Потенциал массовой манипуляции, особенно через такие платформы, как социальные сети, где процветают мемы, может привести к эпохе беспрецедентного контроля над общественным

дискурсом. И это не говоря уже об автоматизации «эпидемиологического подхода» в меметической войне, о котором говорили Проссер и Хэнкок...

И под конец немного «научной фантастики». Представим, что ИИ, разрабатывающий мемы, и те, кто его использует, получают в своё распоряжение не только большие данные из соцсетей и других медиаплатформ, но точные функциональные карты всего человеческого мозга (получение таковых прогнозируется уже в не столь отдалённом будущем: в 40-х годах текущего столетия) получают доступ к полномасштабным эмуляциям мозга, которые позволят точно отслеживать, как формируются наши мысли, и воспроизводить сложные когнитивные паттерны, получают детальную картину того, как с помощью идей и образов изменять мышление и поведение человека, как наш мозг создаёт и оценивает идеи и, наконец, как эти идеи распространяются в обществе... Иными словами, за прошедшие несколько десятилетий меметика проделала головокружительный путь от популярных теорий до прикладной дисциплины, и локомотивами, двигавшими её на этом пути, как правило, становились интерес и потребности военных. Меметика хорошо вписывается в развернувшуюся в последнее время «гонку когнитивных вооружений», предоставляя, как мы видели, мощные новые инструменты тем, кто манипулирует мышлением и восприятием.

Грядущие достижения в области ИИ и нейробиологии выведут эти инструменты на качественно иной уровень, позволив «меметическим алхимикам» по собственному усмотрению лепить — у отдельных людей, сообществ и целых стран — любые верования, страхи и идеологии.

Фонд «Духовная культура» очень гордится, что является правой рукой Президента Российской Федерации В.Путина в вопросах создания Духовной культуры в России, действующего, согласно Устава Фонда «Духовная культура».

Российское Государство – это наша Соборная церковь. Мы в ней прихожане

Фонд «Духовная культура» предлагает Вам, Юрий Викторович, направить данное письмо, как дополнительный материал по созданию нового проекта Фонд «Духовная культура России» Митрополиту Марийскому и Йошкар – Олинскому Иоанну, выполнить нашу просьбу и дать совместный конструктивный ответ в адрес Фонда «Духовная культура».

С уважением,

президент Фонда «Духовная культура»
Генеральный директор
Общероссийского духовно-патриотического
Центра «Духовная культура Республики Марий Эл»
Генеральный директор
Общероссийского духовно-патриотического
Центра «Духовная культура Кировской области»
Генеральный директор
Общероссийского духовно-патриотического
Центра «Духовная культура Республики Татарстан»
Директор «Торговый Дом «Ахтырский полк»
Исполнительный директор Фонда «Духовная культура России»
Исполнительный директор Мирового Фонда «Духовная культура»
член Центрального Совета
Общероссийского Общественного Движения «Россия Православная»
Секретарь Совета «Духовный Спецназ – Авангард Победы»
член партии «Единая Россия»
Генеральный директор ООО «БАЗАЛЪТ»
Хохлов В.В

